

Глава 11

В предпраздничной суете время пролетело незаметно, и вот уже наступил канун Нового года. Последнюю пару праздничных куплетов Чжу Цинчэнь написал для собственного дома и велел Сун Фэну закрепить их над входом.

Испачкав щеку чернилами, юноша стоял на улице, подбоченясь и задрав голову. С видом величайшей уверенности он любовался плодами своих трудов.

«Красота! Какая бездна таланта! — Чжу Цинчэнь довольно улыбнулся. — Ты был лучшим из литераторов в своём прежнем мире, и здесь ты — тоже неоспоримый мастер!»

Сун Фэн, спустившись с лестницы, мельком взглянул на наставника:

— Наставник?

Чжу Цинчэнь опомнился и обратился к нему:

— Объяви всем в резиденции: кто желает встретить Новый год в кругу семьи, пусть заканчивает дела к полудню и отправляется по домам. Всё равно я здесь один, и прислуживать мне незачем. Лишь бы я не умер с голоду в одиночестве.

— Слушаюсь, — улыбнулся Сун Фэн. — Мне возвращаться некуда, так что я останусь в резиденции и присмотрю, чтобы вы не голодали.

Ученики праздновали дома, а слуги, получив долгожданное позволение, поспешили разойтись. Из-за этого новогодняя ночь в доме Чжу Цинчэня выдалась куда тише, чем недавнее застолье в Академии.

Юноша сидел за столом в гордом одиночестве. По левую руку — тарелка пельменей с начинкой из лука, по правую — с горчицей, а в центре — пиала с ароматным уксусом. Со стороны он походил на всеми забытого, несчастного старика. Компанию ему составляли лишь верный помощник да Система.

Подперев голову рукой, Чжу Цинчэнь с тоской подумал, что, пожалуй, стоило всё-таки пойти на дворцовый пир — там было бы хоть немноголюднее.

Маленький светящийся шарик опустился ему на плечо.

[Опять по дому тоскуешь?]

— А то как же, — вздохнул Чжу Цинчэнь, прижав ладони к щекам. — Прежде Новый год всегда проходил весело, мы собирались большой компанией за праздничным столом. А после ужина мы с Ли Юэ и другими друзьями выбегали на улицу, взрывали хлопушки и играли в снежки.

Он печально взглянул на тарелки перед собой:

— Я ведь родом из южных краев, и Ли Юэ всегда варил для меня порцию таньюань.

Пока Чжу Цинчэнь предавался грусти, с улицы внезапно донесся голос евнуха:

— Наставник Чжу? Господин Чжу? Куда же подевались все люди в этой резиденции?

Юноша вскочил с места:

— Я здесь!

Из-под крытой галереи показался посланник в сопровождении двух рядов слуг. Он бывал здесь уже столько раз, что знал дорогу лучше хозяина.

— Едва вас нашёл! Где же ваша челядь?

Чжу Цинчэнь виновато улыбнулся:

— Отпустил их к родным на праздник. Здесь остались только я да пара прислужников. Простите, почтенный, что заставил ждать.

— Пустяки, — радушно отмахнулся евнух. — Я прибыл по указу Его Величества, дабы доставить наставнику несколько блюд к столу.

Чжу Цинчэнь почтительно склонился:

— Смирный слуга принимает милость государя.

— Его Величество проявил особую благосклонность и велел в праздничную ночь обойтись без лишних церемоний. Взгляните-ка, господин Чжу, придутся ли яства вам по вкусу?

Когда юноша выпрямился, евнух сделал знак рукой. Слуги по очереди начали подносить деревянные лари. У каждого короба внизу была пристроена медная жаровня с углями, благодаря чему еда по дороге не остыла. Проходя мимо наставника, они приподнимали крышки, являя содержимое.

— Мандаринка-белка.

— Свинина «Личи».

— Утка в сливовом соусе...

Блюда сменяли друг друга, и глаза Чжу Цинчэня постепенно разгорались радостным блеском. Заметив это, евнух довольно кивнул.

— И последнее подношение — кунжутные танъюань.

Слуга открыл перед ним чашу из белого нефрита. Пять жемчужно-белых шариков покоились в ней, словно драгоценные жемчужины. При взгляде на танъюань в голове Чжу Цинчэня на миг промелькнула странная догадка, но голос евнуха тут же прервал его мысли.

— Император сказал, что в новогоднюю ночь следует отведать танъюань, дабы жизнь была полна гармонии.

Очнувшись, Чжу Цинчэнь вежливо склонил голову:

— Понимаю. Я непременно оценю их вкус. Прошу вас, передайте Его Величеству мою глубочайшую благодарность.

Напоследок евнух добавил:

— В этом году пир не проводили, а сэкономленные средства государь передал ведомству работ. Они подготовили грандиозный фейерверк, который запустят за крепостным рвом, дабы разделить радость с народом. Ежели господин наставник не занят, советую взглянуть.

Чжу Цинчэнь радостно закивал:

— Обязательно пойду!

— Тогда поспешите, — напутствовал его евнух. — Лучшие места расхватывают мигом.

— Хорошо, я понял. Доброго пути, почтенный.

Юноша, у которого только что не было никаких планов на вечер, теперь прямо-таки сиял. Он окликнул Сун Фэна:

— Скорей, перекуси чем-нибудь! Поедим и побежим занимать место за городом, пока всё не пропустили.

Они сели за стол. Вкусы у них оказались совершенно разными: Сун Фэн с удовольствием уплетал пельмени, а Чжу Цинчэнь расправился с большей частью императорских даров и дочиста съел танъюань. Насытившись, они подхватили складные скамеечки и поспешили вон из дома.

Весть о том, что власти устроили огненное представление, уже разлетелась по всем закоулкам. За городом раскинули большие навесы, укрывавшие людей от ветра и снега. Чжу Цинчэнь с помощником сумели отыскать отличное местечко. Чиновники продумали всё до мелочей: в палатках дымились жаровни с углями, а всем желающим раздавали согревающий имбирный отвар.

Устроившись на своей скамеечке и прижав к груди грелку для рук, Чжу Цинчэнь с упоением смотрел в небо. Ночь выдалась ясной: ни единого облачка, лишь мириады ярких звезд на темном полотне.

Система съязвила:

[Огни ещё не запустили, а ты уже сидишь с таким счастливым видом. Чему радуешься?]

— Я просто обожаю шум и праздники, — отозвался он с улыбкой. — Пока мне не приходится куковать в пустой резиденции, я абсолютно счастлив.

Прямо за их спинами возвышалась крепостная стена — идеальное место для обзора, но обычным людям вход туда был заказан. В это время на стене в окружении музыкантов стоял сам император. Опершись на холодный камень зубцов, Ли Юэ смотрел вниз на толпу, собравшуюся под навесами.

Чжу Цинчэнь сидел к нему боком, сжавшись в маленький, уютный комочек. Ли Юэ невольно свел большой и указательный пальцы, словно в шутку пытаясь ухватить крошечный силуэт наставника — тот издали казался не больше его собственного пальца.

Снова раздался сухой голос Системы:

[Носитель, прошу вас, контролируйте свои эмоции]

— Я и так их контролирую, — раздраженно пробормотал император. — Я же не бросился вниз, чтобы утащить его с собой. Неужто мне и взглянуть на него нельзя?

[Прошу носителя не выходить за рамки роли]

— Я не прикасаюсь к докладам, не лезу в дела армии, устраиваю пиры направо. Даже в такой праздник притащил с собой орду музыкантов и танцовщиц, чтобы поглазеть на огни. Неужто я ещё недостаточно похож на тирана-самодура? Если тебя что-то не устраивает — занимай трон сама.

Система благоразумно умолкла.

Внезапно с резким свистом в небо взмыл первый заряд. Громовой раскат сотряс воздух, и в ночи распустился исполинский огненный цветок. Ли Юэ обернулся: вспышки фейерверка озарили лицо Чжу Цинчэня, который в ту же секунду восторженно раскрыл рот.

— Ого! — выдохнул юноша. Такого зрелища он ещё не видел. — Система, ты посмотри! Какой огромный! Какая красота!

[Я вижу, — обреченно отозвалась та. — У меня электронное зрение. Наставник наследного принца, а ведете себя совершенно не подобающе вашему сану]

— А этот ещё краше!

[Правду говорят твои коллеги: ты и впрямь малый глупец. Столько восторга от обычного пороха... Кабы ты попал в современный мир, ты бы, верно, на месте в обморок рухнул]

«А что это за „современный мир“?» — Чжу Цинчэнь был слишком поглощен зрелищем, чтобы вникать в ответы. Он смотрел на небо, не смея даже моргнуть.

— Ух ты!

На крепостной стене же царило молчание. Ли Юэ не хотел портить себе праздник спорами с Системой, а та не желала нарываться на грубость. В этом хрупком равновесии они и досмотрели представление до конца.

Когда последние искры погасли, Чжу Цинчэню всё ещё было мало. Он прикрыл ладонями уши — в голове до сих пор стоял грохот взрывов. Посидев на скамеечке ещё немного, он нехотя поднялся лишь тогда, когда Сун Фэн напомнил, что пора возвращаться.

— Ладно, видимо, продолжения не будет. Пойдём домой.

Они неспешно брели к городским воротам. Чжу Цинчэнь то и дело оглядывался через плечо, в тайне надеясь, что небо вновь расцветет огнями. Но чуда не случилось. Миновав ворота, он вдруг заметил припаркованный у обочины экипаж старого наставника Гао.

— Почтенный Гао! — поздоровался Чжу Цинчэнь, подойдя ближе.

Старик приподнял занавеску кареты:

— Сяо Чжу? Что ты здесь делаешь в такой час?

— Любуюсь фейерверком, — ответил юноша. — А вы, старый наставник, по какому делу здесь?

— Я... я тоже приехал посмотреть.

— Вот как? — Чжу Цинчэнь озадаченно моргнул. — Прямо из кареты смотрели?

Старик замялся:

— Ну... я уже посмотрел и как раз собирался ехать обратно.

— Понимаю, — серьезно кивнул юноша, продолжая стоять на месте и пристально глядя на учителя.

Тот не выдержал паузы:

— А ты чего не идёшь?

— Я подожду, пока наставник уедет первым.

— Не стоит церемоний, ступай. У меня ещё остались дела.

— А, ну хорошо.

Чжу Цинчэнь, так ничего и не заподозрив, помахал рукой старику. Поведение наставника Гао показалось ему странным, но он лишь поспешил к себе.

Остаток ночи он провел с Сун Фэном, соблюдая древний обычай бодрствования. Когда за стеной прокричал ночной страж, извещая о наступлении нового дня, Чжу Цинчэнь вручил слуге красный конверт и отправил его отдыхать.

Ложась в постель, он строго наказал Системе:

— Завтра разбуди меня как можно раньше.

[Зачем это? У тебя же нет никаких дел]

— Просто нужно встать пораньше. Обязательно разбуди, слышишь?

[Ладно], — буркнула Система, устанавливая будильник на шесть утра.

Наутро сигнал прозвучал точно в срок.

[Носитель...]

Едва Система успела подать голос, как Чжу Цинчэнь пулей подскочил на кровати.

Не поднимая лишнего шума, он молниеносно умылся, натянул одежду и теплую меховую шапку. Выудив из-под кровати плетёную корзину, он прокрался к конюшням, вывел лошадь и покинул резиденцию через боковые ворота.

Горожане, бодрствовавшие всю ночь, ещё спали крепким сном. Улицы были пусты, и лишь Чжу Цинчэнь мчался во весь опор, прижимая локтем корзинку. Система едва поспевала за ним.

[Да куда ты несёшься?! Что за спешка?]

Юноша не отвечал. Когда он доскакал до городских ворот, стража как раз собиралась их отпирать.

«Ура! Я точно буду первым!» — ликовал он про себя.

[В чём первым-то?]

Едва ворота приоткрылись, Чжу Цинчэнь проскользнул в щель и вновь пустил коня в галоп. Его путь лежал напрямик к Храму Великого пробуждения. К тому самому месту, где молитва в первый день года сулила успех на экзаменах. А в корзинке его лежали свечи и благовонное масло!

Система была в шоке:

[Ты же обещал наставнику Гао, что ни за что сюда не придёшь!]

Чжу Цинчэнь ловко спрыгнул на землю:

— Я думал об этом несколько дней и решил, что всё-таки должен это сделать.

[В оригинале сказано, что Пэй Сюань — истинный Чжуанъюань. Тебе не о чем беспокоиться]

— В книгах вечно пишут всякую чепуху! А что, если он разволнуется и допустит ошибку?

[...Как будто подношение богам — это надежный план]

— Молчи! Не смей оскорблять покровителя просвещения!

Ворота храма ещё были заперты. Схватив корзину, Чжу Цинчэнь взлетел по ступеням и осторожно постучал, боясь потревожить святых. Заглядывая в щель, он прошептал:

— Есть кто-нибудь? Вы уже открылись? Можно мне войти?

Маленький послушник с метлой в руках как раз вышел во двор. Увидев в дверной щели горящий глаз, он не на шутку перепугался. Опомившись, он поклонился:

— Прошу почтенного мирянина подождать мгновение.

В этот момент за спиной Чжу Цинчэня послышался грохот колёс. Обернувшись, он увидел несколько экипажей, мчавшихся со стороны города. Из окон карет высовывались знакомые головы.

— Сяо Чжу! Сяо Чжу там!

— Да он вовсе не дурачок, он чертовски хитёр!

— Быстрее! Гони всюю!

Чжу Цинчэнь снова забарабанил в ворота:

— Маленький наставник, скорее! Оставьте поклоны, отпирайте! Мне нужно воскурить благовония за моих будущих Чжуанъюаней! Судьба Великой Чжоу в ваших руках!

Послушник отодвинул засов, хотел было что-то сказать, но Чжу Цинчэнь вихрем пронёсся мимо него, оставив лишь облачко пыли.

«Я первый! Моя молитва будет первой! Первый эрудит точно будет из моих учеников...»

Перескакивая через три ступеньки разом, он миновал несколько пролетов и уже готов был влететь в главный зал, как вдруг замер как вкопанный.

— Наставник... Гао?

Старый учитель с тремя зажженными палочками в руках смиренно стоял перед изваянием Будды. Он трижды отвесил поклон и с благоговением водрузил первую в этом году порцию благовоний в абсолютно пустую до этого момента чашу.

Это был удар молнии среди ясного неба! Чжу Цинчэнь застыл на месте, чувствуя, что земля уходит из-под ног. Его первенство упорхнуло прямо из-под носа. Покончив с обрядом, старый Гао обернулся:

— О, Сяо Чжу! Пришёл-таки?

Он подошел ближе и сочувственно похлопал юношу по плечу:

— Что ж, в следующий раз старайся лучше. Столько лет прошло, пора бы и мне воспитать Чжуаньюаня.

Чжу Цинчэнь, еще не до конца придя в себя, пролепетал:

— Но как... ворота же только что открыли... как вы успели раньше меня?

Старик ласково потрепал его по голове:

— Глупое дитя, я ведь ещё со вчерашнего вечера поселился в Храме Великого пробуждения.

— Вы меня обманули! — в сердцах выкрикнул юноша, топая ногой. — Вы же сами сказали: «Кто придет за благовониями — тот предаст память предков»!

— Но ведь ты тоже пришёл.

— Я... я знал, что предки не будут столь мелочны!

Гао снова погладил его по макушке:

— Ступай уже. Ежели поторопишься, еще успеешь стать вторым.

— Угу... — обиженно буркнул Чжу Цинчэнь и уже собрался было войти, как вдруг...

Толпа других старых наставников, опираясь на посохи, ворвалась в зал, опережая его.

— Баньянь!

— Таньхуа!

— Вот и всё, — вздохнул Гао, глядя на ошеломленного юношу. — Вся первая тройка занята. Бедное дитя, ты оказался последним.

Чжу Цинчэнь со злостью швырнул корзину на землю, плюхнулся на ступени перед храмом и, задрав голову к небу, горестно возопил:

— Всё, я так больше не играю! Я увольняюсь!

<http://bllate.org/book/15820/1423482>